

ББК 83.3(2=411.2)6-462

УДК 821.161.1-21

DOI: 10.46726/H.2021.3.3

*А. В. Муравьева***АБСУРД КАК РЕЦЕПЦИЯ В ПЬЕСЕ Д. ДАНИЛОВА
«ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА»**

Статья посвящена внутритекстовой рецепции абсурдной ситуации пьесы Дмитрия Данилова «Человек из Подольска». Акцент ставится на техниках и приёмах абсурдизации драматургического текста, их появлении в тексте драмы, возможных формах и вариантах их создания и бытования. В ходе исследования отмечается расширение понятия субъекта: за счёт внедрения в текст абсурдистского комплекса в качестве субъекта выступает и автор, и субъект действия, и следующий за ними читатель. Абсурдный компонент приводит субъекта к остранению. В свою очередь, частотность абсурдных ситуаций способствует формированию пространства, где абсурд воспринимается как должное, где абсурдное и понятное становятся взаимозаменяемыми, где субъекту последовательно объясняется относительность его жизни в целом, а значит, утверждается моделирование как способ организации окружающего его пространства. В результате делается вывод о трансформации ситуации рецепции: абсурд, смоделированный в тексте, проживается/проигрывается персонажем, воспринимающим это как реальность, с которой нужно и можно работать, и одновременно через остранение открывает герою возможность для нового видения/прозрения/обнаружения собственной идентичности. Так внутритекстовое восприятие субъектом (героем, персонажем) абсурда демонстрирует различие между абсурдом экзистенциальным и абсурдом смоделированным.

Ключевые слова: абсурд, рецепция, новая драма, постдрама, текстопорождающие механизмы.

*A. V. Muraveva***THE ABSURD AS A RECEPTION IN D. DANILOV'S PIECE
«THE MAN FROM PODOLSK»**

The article is devoted to the intra-textual reception of the absurd situation of Dmitry Danilov's piece «The Man from Podolsk». The emphasis is placed on the techniques and techniques of absurdization of the dramatic text, their appearance in the text of the drama, possible forms and variants of their creation and existence. In the course of the study, the expansion of the concept of the subject is noted: due to the introduction of an absurdist complex into the text, both the author and the subject of the action, and the reader following them, are accepted as subjects. The absurd component leads the subject to detachment. In turn, the frequency of absurd situations contributes to the formation of a space where the absurd is taken for granted, where the absurd and understandable become interchangeable, where the relativity of his life as a whole is consistently explained to the subject, which means that modeling is approved as a way of organizing the space around him. As a result, a conclusion is made about the transformation of the reception situation: the absurdity modeled in the text is lived/played by the character, who perceives it

© Муравьева А. В., 2021

as a reality with which it is necessary and possible to work, and at the same time, through detachment, opens the hero the opportunity for a new vision/insight/discovery of his own identity. Thus, the internal perception of the absurd by the subject (hero, character) demonstrates the indistinguishability between the existential absurdity and the modeled absurdity.

Key words: absurd, reception, new drama, post-drama, text-generating mechanisms.

Пьеса Дмитрия Данилова «Человек из Подольска» [1], написанная в 2016 году, продолжает линию абсурдизации текстового пространства, актуальную для драматургии рубежа XX—XXI веков. Однако абсурдная составляющая пьесы несколько отличается от абсурда текстов других авторов этого периода [2; 3; 4; 5].

Действующими лицами здесь выступают Человек из Подольска, Человек из Мытищ, Первый полицейский, Второй полицейский и Женщина-полицейский. Характеристика персонажей ограничивается наименованиями, вследствие чего ещё до погружения читателя в действие ему представляется круг лиц, обычно задействованных в целом комплексе ситуаций различных правонарушений. Этот же список лиц размывает географию событий: пространство, пока не обозначенное явно, через Человека из Подольска и Человека из Мытищ отсылает одновременно к двум географическим объектам, находящимся, однако, в относительной близости друг от друга.

Следующим за списком действующих лиц композиционным элементом оказывается текстовый отрезок, как бы дублирующий афишу и вносящий в неё определённые коррективы: персонажи наделяются возрастной и гендерной характеристиками (Человек из Подольска — парень лет тридцати; Человек из Мытищ, Первый Полицейский и Второй Полицейский — постарше, 35—40 лет; Женщина-полицейский — красивая и ухоженная женщина «без возраста»). Уже здесь обращают на себя внимание несколько моментов: во-первых, сам процесс дублирования — повторное именование с уточнением; во-вторых, принцип характеристики героя, ограниченной возрастной составляющей (уточнение без уточнения); в-третьих — именование Женщины-полицейского, выбивающееся из общего ряда характеристик. Тавтологизация афиши замедляет процесс прочтения, акцентируя внимание читателя на деталях, незначительных по своей сути (возраст действующих лиц не определяет характера и не формирует комплексное представление о персонаже); с другой стороны, именно тавтология устанавливает темп чтения — медленный и ориентирующий на деталь.

Пространство в пьесе (примечательно, что в тексте отсутствует деление на акты/части, а значит, именно таким оказывается пространство на протяжении всего действия) ограничивается минимальным набором компонентов. Происходящее «в обычном московском отделении полиции», оно включает элементарный набор предметов, определяющих «интерьер» участка: «За столом в кресле сидит Первый полицейский и заполняет протокол. Напротив, на приставленном к столу стуле, сидит Человек из Подольска. В “обезьяннике” на скамейке сидит Человек из Мытищ» [1]. Минимализм в интерьере участка вторит минимализму афиши: перед читателем предстаёт схематичное, предельно обобщённое, близкое макетному пространство, включающее в себя лишь самые необходимые для разворачивания действия элементы. Ремарочная

составляющая, столь же минималистичная, не предполагает расширения/наполнения пространства, вследствие чего при первичном знакомстве с текстом пьесы смысловая нагрузка автоматически перекладывается на действия/речь героев.

Уже схематизация пространства частично роднит «Человека из Подольска» с пьесами абсурдистского толка: во-первых, читателю представляется одна из типичных ситуаций жизни социума (именно апелляция к социальному — моделям действий, состояний и форм коммуникаций — становится точкой отсчёта в представлении абсурда жизни); во-вторых, именно очищение текста от деталей провоцирует восприятие текста в качестве типизированного, а значит, представляющего иллюстрацию события частотного и подобного многим.

Начало пьесы демонстрирует момент составления полицейским протокола. Однако уже первые реплики показывают, что главное действующее лицо находится в ситуации, лишённой определённости:

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ (молча пишет что-то в протоколе)

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА: А все-таки, за что меня задержали?

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ (поднимает глаза на Человека из Подольска, смотрит некоторое время, потом продолжает молча писать)

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА: Товарищ милиционер... [1]

Человек из Подольска не понимает, за что его задержали, более того — он последовательно сталкивается с ситуацией намеренного нарушения коммуникации — игнорированием обращения и пассивной агрессией. Ситуация составления протокола, происходящая без участия лица, предположительно совершившего правонарушение, нарушает логику события (собственно протокола); эмотивность же коммуникации (точнее, замена коммуникации невербальным элементом) в данной ситуации оказывается и вовсе неприемлемой. То, с чем сталкивается Человек из Подольска, иллюстрирует частую как для реальности, так и для литературы ситуацию неосуществимой коммуникации при взаимодействии гражданина с правоохранительными органами — острую, проблемную и лишённую логики — полную абсурда.

Следующие за последней реплики запускают процесс коммуникации, иллюстрирующей одновременное следование нормативному, протокольному общению сотрудника органов правопорядка и правонарушителя и разрушение этих шаблонов посредством введения дополнительного, отчасти иллюстративного материала, представляющего собой цепочку ассоциаций, возникающих при произнесении тем или иным персонажем реплик: «Товарищ милиционер... — Что? Товарищ? ... Товарищей всех в девяносто третьем порешили» [1]. Запущенный ранее процесс коммуникации, приобретший вербальную форму, остаётся коммуникацией лишь внешне: персонаж получает ответ, однако он не соответствует заданному ранее вопросу. В это же время пассивно-агрессивная форма общения, установленная ранее, выходит за рамки невербального и распространяется на высказывание Первого полицейского: дублирование вопроса и парцеллирование конструкции, дополненное риторичностью («Что? Товарищ?»), вкупе с подключением стилистически сниженной лексики («порешили») продолжает линию давления на коммуниканта. Примечательно, что подобный коммуникативный ход имеет свои результаты: если для Человека из Подольска общение с полицейским и сама ситуация нахождения его в участке лишены смысла, то для Первого полицейского, знающего коммуникативные условия, задачи и цель, всё будто идёт по некому стандартному плану. Для одних участников коммуникативной

ситуации предмет и мотивы дискуссии вполне понятны, они органично вписываются в контекст, другой же, собственно Человек из Подольска, находясь вне его, оказывается в ситуации постоянного эмоционального и когнитивного диссонанса. Так, обращение «Товарищ милиционер...», законченное многоточием, а также ремарка «издаёт неопределённый мычащий звук», замещающая ответную реплику, говорят об эмоции, испытываемой персонажем вследствие коммуникативного действия/бездействия Первого полицейского: Человек из Подольска, попав в ситуацию, лишённую, с его точки зрения, логики, «издает звук, обозначающий нерешительность, непонимание, с чего начать высказывание» [1], чем, соответственно, выражает свою растерянность.

Правила коммуникации в пространстве участка обозначаются Первым полицейским постепенно («Правильно говорить так: господин старший лейтенант»). Но, даже принимая их, Человек из Подольска вновь сталкивается с коммуникативной преградой:

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА: Господин старший лейтенант, за что меня задержали? Я же не пьяный, просто шел...

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Да, вроде, не пьяный (продолжает писать).

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА: А за что тогда?

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Это мы сейчас выясним.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА: Как выясним? В каком смысле? [1]

Способ обращения оказывается недостаточным. Взятый в качестве исходного кода, он лишь настраивает Человека из Подольска на определённую форму отношения к слушающему. Построенный не на взаимоуважении, а на принципе начальник/подчинённый (или агрессор/подавляемый), он разрушает принятый персонажем стереотип, связанный с представлением об отношении человека и власти: исходным состоянием для него оказывается унижение и подавление. Разрушение стереотипа не заканчивается эмотивной сферой: изменению подлежит и способ восприятия ситуации, и форма её проработки. Так, в процессе диалога Человек из Подольска выясняет, что причина задержания отсутствует («Это мы сейчас выясним»). Понимая абсурдность ситуации («Я же не пьяный, просто шёл...»), он не принимает её («Как выясним? В каком смысле?»).

Уже в данном фрагменте обозначается основная цель коммуникации: разрушение стереотипного мышления, нивелирование основных коммуникативных и поведенческих моделей и установление новой логики событий — логики, лишённой однозначности, предопределённости и ситуативности. Человек из Подольска, попав, с точки зрения коммуникации, в чужеродную для себя среду, отрицает саму возможность существования иных структур; Первый полицейский в этой ситуации становится «проводником» в иную, новую для персонажа реальность.

Мышление Человека из Подольска соответствует модели, принятой в том мире, в котором он пребывает: это мышление, подчинённое логике вещей, соответствующее реальному событию, психологии человека и опыту взаимодействий; оценивание им ситуации происходит исходя из формы и способа этого мышления. И чем жёстче он старается оценивать среду и находящиеся в нём объекты, тем алогичнее и попросту страннее кажется ему происходящее:

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Ну как выясним. Очень просто. Я буду задавать вопросы, вы будете на них отвечать. Так и выясним, за что мы вас задержали.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА: Как это так? Вы сначала задерживаете, а потом выясняете, за что? [1]

После погружения Человека из Подольска в абсурдный мир участка действия полицейского, его речь, а следом и происходящие вокруг события резко меняют свою направленность и начинают строго соответствовать принятой в обыденной ситуации логике: напряжённое молчание, ироничные ответы Первого полицейского сменяются чередой шаблонных вопросов о личности задержанного. Логичность, последовательность и ожидаемость вопросов усыпляют бдительность главного героя, отчего повторным и ещё более сильным непониманием встречается так же резко возникший вопрос полицейского о населении Подольска: «Население Подольска. — Что население Подольска? — Назовите численность населения Подольска. Желательно с точностью хотя бы до десятков тысяч» [1].

Начиная с этого момента основой диалога будут являться понятия, полностью не соответствующие ситуации: население, получение статуса города и другие исторические и экономические характеристики Подольска. Подобные сведения органически включаются Первым полицейским в список позиций, необходимых для заполнения протокола, и стоят в одном ряду с именем, датой рождения и местом жительства и регистрации задержанного. Причём именно они, с его точки зрения, оказываются основными в характеристике лица и подчеркнута логичными: «Странно жить в городе и не знать, сколько в нем народу живет» [1]. Так сначала введением разных оснований для перечня фактов о подозреваемом, а затем симуляцией логичности умозаключений последовательно размываются представления о логичности или структурности вообще.

Все последующие вопросы, адресованные Человеку из Подольска, а также комментарии Первого Полицейского, характеризующие ответ задержанного, направлены на последовательное разрушение представления Николая Степановича (именно так, оказывается, зовут героя) о своём городе, жизни в нём, принадлежности отдельной социальной группе (собственно жителям города Подольска), а также жизни в целом. В диалоге персонажей снова наблюдаются различные виды коммуникативных нарушений — причём с обеих сторон. Человек из Подольска пытается, отвечая вопросом на вопрос, сменить тему разговора и узнать правила «игры» («А я-то тут при чем? Почему вы меня спрашиваете про население Подольска?» [1]). Примечательно, что в качестве игры ситуацию не расценивает ни одно из действующих лиц: для Человека из Подольска это — произвол правоохранительных органов, для полицейского — нарушение, пусть и не прописанное в каком-либо регламентирующем права гражданина источнике. Для Первого полицейского нарушением оказывается уже несоблюдение условий коммуникации: несоответствие ответа вопросу, излишняя риторика, эмоциональность речи Человека из Подольска сталкивается с пассивно-агрессивным поведением полицейского («В каком хотя бы веке? Ну это вы должны знать» [1]), исправлением и развенчанием манипуляций и/или выдачей реплик персонажа за попытку манипуляции, то есть с ответной манипуляцией («А вы точно из Подольска, Николай Степанович? Такое впечатление, что из одного южного города у моря. Зачем вы все время отвечаете вопросом на вопрос? Я четко спросил: когда Подольск получил статус города? Просто отвечайте, Николай Степанович, не надо переспрашивать» [1]). Более того, именно с введения дополнительных вопросов в диалог персонажей врывается третье лицо — Человек из Мытищ.

Его появление так же способствует расшатыванию коммуникативной ситуации, но уже посредством открытой агрессии с постоянными прерываниями речи Человека из Подольска («Ты debil, что ли, совсем?! Какие сто пятьдесят?! У вас там уже почти триста! Климовск присоединили!»; «Ну ты тупой! В каком двадцатом? При Екатерине! Куча городов при ней появилась!» [1]).

Именно с появлением третьего действующего лица мы понимаем, что пространство, в которое попадает Человек из Подольска, не становится абсурдным с его появлением: пространство участка изначально обладает определённым способом организации, абсурдным для героя, но понятным и органичным для остальных. Реплика Человека из Мытищ «Если бы мне такие вопросы задавали, я бы тут не сидел» предполагает, во-первых, протяжённость во времени (то есть присутствие последнего в участке задолго до появления Человека из Подольска), а во-вторых — способность принятия пространства и спокойного в нём пребывания. Если до этого абсурдной могла оказаться как жизнь Человека из Подольска, так и жизнь (как совокупность абсурдных действий) полицейского, то теперь (и при численном перевесе, и при активном утверждении правомерности действий полицейского) двойственной характеристике и сомнению подвергается образ жизни и способ мировосприятия самого Человека из Подольска.

Появление Человека из Мытищ выводит на поверхность несколько важных для понимания пространства участка позиций. Во-первых, внимание на себя обращает форма общения Первого полицейского с Человеком из Мытищ и Человеком из Подольска. Если с новым задержанным полицейский в равной степени вежлив, порой даже услужлив, но тут же — пассивно-агрессивен, то в диалогах с «давним жителем» отделения он уже не церемонится: «Ты там не вякай. С тобой у нас отдельный разговор будет»; «(встает, подходит к “обезьяннику”, в котором сидит Человек из Мытищ, держа в руке наручники): Ты, похоже, подзабыл болевые ощущения в области запястий?» [1]. Хотя в этой сдвинутой логике явное превышение должностных полномочий в отношении к Человеку из Мытищ уже выглядит естественным, обыденным и даже не страшным в сравнении с отстраненной вежливостью и безразличием в обращении с Человеком из Подольска.

Смягчение тона и/или перевод темы в смежную область происходят попеременно, однако каждый раз касаются тематик, кажущихся абсурдными. Подобные формы общения часто оказываются взаимозаменяемыми и продолжают друг друга: «...отдельный разговор будет. Про экономику Мытищ. Готовился? Википедию читал?» [1]. Прямая агрессия вкупе с погружением в ситуацию дознания создают двойственное впечатление у героя: утверждение правомерности существования подобного пространства, спокойное, последовательное погружение в него пусть и не принимаются человеком из Подольска, но вызывают лишь недоумение; однако тут же утверждение абсурдности происходящего как нормальности и последовательности разрезается событиями, иллюстрирующими, в силу своей чрезмерной жестокости, крайнюю степень алогичности события. Последовательное чередование ситуаций (точнее, постоянное — грубое и резкое — погружение ситуации в чужеродный ему контекст) способствует повторному возникновению диссонанса в восприятии ситуации персонажем.

Маятниковое развитие действия не позволяет Человеку из Подольска принять новый образ жизни и мысли. Однако если относительно понятным кажется герою происходящее в начале действия (по крайней мере, понятно

то, что жизнь вне стен участка — жизнь «реальная» — «нормальна» во всех её проявлениях, а ситуация внутри этих стен полна абсурда), то совсем нарушается логика происходящего с появлением Второго полицейского. Его присутствие лишний раз утверждает типичность ситуации, происходящей с Человеком из Подольска («Смотри, Михалыч, снова подольский», «Подольские все тупые... Самые нормальные — химкинские» [1]). Усложнение ситуации происходит после долгой паузы, когда герой, будто очнувшись, обращаясь уже ко всем присутствующим, спрашивает: «Я... я не понимаю. Почему это все? Почему вы меня спрашиваете про какой-то Подольск, про статус города? Мы где? Это вообще полиция?» — и далее заключает: «Задержали меня просто так, ничего не объяснив, и спрашиваете, какое население. Какое это имеет отношение к делу? Почему вы спрашиваете? Абсурд какой-то...» [1]. Именно с прямого определения персонажем пространства и ситуации в качестве абсурдных разрушается та стена, что отделяла его от ему подобных — Человека из Мытищ и других, уже внесценических персонажей, фигурирующих в речи полицейских. Отношение их к Человеку из Подольска полностью меняется: Первый полицейский «встает, снимает с вешалки висящую на ней резиновую дубинку, подходит к Человеку из Подольска», затем, обращаясь к нему «только на “ты”... несильно бьет [его] дубинкой по плечу» [1]. Из диалога, разворачивающегося параллельно, мы узнаём, что «понятно, логично, как положено» — это когда героя «должны были бы отмудохать в мясо, потом найти [у него] пять граммов белого порошкообразного вещества... а потом повесить [на него] пару висяков» [1].

Именно в этот момент происходит повторное деление пространства пьесы с точки зрения нормальности/ненормальности происходящего. Если ранее ненормальным, абсурдным, с точки зрения Человека из Подольска, было нарушение протокола его задержания, то теперь ненормальной оказывается ситуация «нормативного» задержания — нормативного и ожидаемого с точки зрения обыденного сознания, стереотипа об органах правопорядка, шаблона, связанного с процессом задержания преступника или подозреваемого. Логика восприятия ситуации переворачивается: одна и та же ситуация оказывается алогичной с точки зрения обоих субъектов, однако один — Человек из Подольска — действительно не понимает и не принимает её, а другой — полицейский — иронизируя и играя со стереотипом, предлагает выход, хотя и тоже странный. По сути, новая «норма» для этих полицейских — разговор с задержанным как способ заставить его заглянуть в себя и пересмотреть свою жизнь.

В этот момент происходит подмена понятий: «Не любишь абсурд? Тебе не нравится, что мы с тобой говорим об истории твоего города, не херачим тебя по яйцам и не подкидываем наркоту?» [1]. Под действием физического и психологического насилия Человек из Подольска вынужденно принимает точку зрения оппонента: «Любишь абсурд? — Да. Да!». Принятие логики вещей героем воспринимается как подавление. Диалог отныне строится таким образом, что внешне персонажи существуют в одной парадигме, однако внутренне Человек из Подольска всё так же отрицает возможность происходящего (нелепость момента, когда «все четверо ... хлопают» в знак радости от его принятия «абсурда», а также следующая за этим действием череда вопросов, ответов и реакций указывают на настойчивое неприятие героем ситуации).

Именно здесь также обнаруживается ещё одна важная характеристика пьесы — её перформативность. Ситуация абсурда — абсурда с точки зрения

наполнения события смыслом — обрамляется словом-действием, усиливающим диссонанс восприятия. Если вначале утверждение событийного абсурда сопровождалось аплодисментами (вполне логичной реакцией на обнаружение нового или успех в предприятии, уже, однако, неприемлемой для ситуации задержания), то впоследствии «нормальность» и «естественность» абсурда усиливается многократным повторением конструкции, завышением эмоционального фона и/или введением звукового элемента, лишённого смысла в купе с действием, не являющимся логическим продолжением слова. Так, в процессе выяснения места работы Человека из Подольска Первый полицейский заставляет персонажа скандировать название газеты префектуры «Голос ЮАО», непременно делая ударение на «а». Конструкция, ранее казавшаяся понятной, вхожей в контекст, становится лишённой смысла: цель человека, её проговаривающего, — в самом проговаривании. Более того, скандирование выражения дополняется действием: Первый полицейский «делает два быстрых хлопка, после паузы еще четыре быстрых хлопка», а затем приказывает персонажу включать движение в процесс озвучивания. Появившегося в помещении Второго полицейского смущает не сам процесс: «Это че такое? Что за голос?» [1]. Ситуация в целом вновь иллюстрирует органичность существования действующих лиц в пространстве полицейского участка и утверждение ими собственной логики вещей. Сцена за сценой пространство пьесы становится всё более абсурдным с точки зрения Человека из Подольска, однако всё более определяется в собственных принципах организации: принятым в нем оказывается менее ожидаемое или вовсе неожиданное, а стереотипное и шаблонное утрируется и травестируется.

Действия персонажей оказываются нацеленными на расшатывание стереотипного мышления Человека из Подольска, причём свою задачу они видят не столько в изменении представления героя об окружающей действительности, сколько во введении его в состояние неопределённости, где всё оказывается равнозначным: любезность сменяется жестокостью («Боишься? — Д-да... — Правильно боишься. Расслабляться никогда нельзя, особенно если имеешь дело с ментами. Вернее, с работниками полиции»), бессмысленные действия — формальной, соответствующей ситуации работой («Ты там всё по описи проверил? — Да, всё нормально. Сошлось» [1]), скандирование лишённых смысла выражений — формульными, шаблонными ответами на вопрос. Характеристики действию дают сами персонажи:

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Весело тут у вас.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Как всегда, Михалыч, как всегда. Разгоняем тоску бытия. [1]

Простой на первый взгляд, комический ответ Первого полицейского на реплику Второго полицейского как нельзя более полно отражает основную проблематику пьесы: именно процессу осмысления бытия, определению фундаментальных, базовых жизненных категорий и оказывается посвящён текст. Эти же реплики определяют основной принцип проработки контекста: помимо деформации мировоззренческой модели, он базируется на смене эмоционального фона — смещении и/или замещении эмоции.

Поворот в развитии действия наблюдается с появлением Женщины-полицейского. Если Первый и Второй полицейские с точки зрения принадлежности пространству реальности/нереальности представляют собой гибридное образование, то поведение и действия героини полностью абсурдны с позиции формальной принадлежности положению и ситуации. Она настаивает

на обращении к ней по имени («Можно просто — Марина. Не стесняйтесь!»), кокетничает с героем («Или просто госпожа. (Издаёт игривый хохоток)»), неформально, мягко и дружелюбно ведёт себя с ним («Человек из Мытищ неловко протягивает руку, Женщина-полицейский некоторое время держит его руку в своих руках и смотрит Человеку из Мытищ в глаза» [1]). Героиня в данной ситуации становится чем-то вроде антипода Первому полицейскому (отыгрывая стереотипные роли Доброго полицейского или Женщины-полицейского), но если Человек из Мытищ, представляющий собой элемент структуры, реагирует на неё согласно установленному ранее регламенту («Здравия желаю, госпожа капитан» [1]), то Человек из Подольска снова теряется («Госпожа... Марина» [1]).

С появлением Женщины-полицейского запускается новый тематический блок, связанный с оговариванием, а значит и выведением на поверхность принципов, которыми руководствуется в своей жизни Человек из Подольска. Продолжая допрос, Первый полицейский в выстраивании позиций, интересующих его, акцентирует внимание на фактической стороне — должности героя, образовании и прочем, тогда как Женщина-полицейский продолжает линию, связанную с оценкой ситуации. Равно как до этого совмещение/чередование реального и абсурдного в ситуации допроса провоцировало диссонанс восприятия ситуации, здесь демонстрируется очередное несоответствие: целью Женщины-полицейского оказывается введение модального компонента, а её основным назначением — оценка ситуации. Человек из Подольска находится в ситуации допроса, при которой фактическое и модальное, вследствие разности контекста и внутренней противоречивости, так же воспринимаются как абсурдное:

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Откуда я знаю что?

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА: Ну, про колонки.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Ты думаешь, я не знаю, что такое официальная газета? Думаешь, мы тут ши лаптем хлебаем?

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА: Нет, нет, что вы, я просто...

ЖЕНЩИНА-ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Вы редактор? Как прекрасно! Это же очень интересно! Вам нравится ваша работа? [1]

Предельное занижение эмоционального фона, дополненное посредством введения разговорной, стилистически сниженной конструкции, сменяется противоположным тематически и по стилистической окраске компонентом, что так же провоцирует сбой в коммуникации. Однако стоит отметить, что контекстуальное несоответствие является исключительно внешним: фразеологическая единица, вводимая Первым полицейским, априори модальна, а значит, введение компонента, включающего оценку ситуации, вполне закономерно. Все лица, участвующие в допросе Человека из Подольска, имеют своё амплуа, свой образ и способ действия — различные при первом приближении (восприятии с точки зрения героя), но равные при внутренней, коннотативной характеристике: все они в равной мере не соответствуют шаблону/модели ситуации (задержания и допроса), разность же поведения и совершаемых ими действий сводится к общему основанию — выражению отношения и оценке.

В данной ситуации сбой в коммуникации оказываются не более чем средством достижения цели персонажей — расшатывания системы ценностей, подключения новых способов восприятия, отказа от стереотипного мышления и т. д. Последовательное введение конструкций или ситуаций,

выходящих за рамки контекста, способствует утверждению аксиологической проблематики пьесы, связанной с формированием системы ценностей отдельно взятого человека.

Женщина-полицейский, нарушая процедуру допроса, делает замечания относительно жизни главного героя: «Вы редактор? Как прекрасно! Это же очень интересно!», «Истфак! Вы историк! Потрясающе!» [1]. Подобные комментарии не принимаются Человеком из Подольска. Ориентируясь на реальную, часто бытовую составляющую («Да что там может нравиться. Скука одна. Рутинка», «Сейчас с работой плохо», «Была просто возможность туда поступить, на бюджетный» [1]), герой воспринимает свою жизнь с точки зрения того, насколько события, её наполняющие, соответствуют его насущным потребностям. Романтизированность и стереотипность представления Женщины-полицейского претит ему. Так внезапно в пьесе сталкиваются два стереотипных взгляда, и поэтому здесь снова, в попытке изменить представление героя, лишит его возможности «превратиться в ментального старичка», Первый полицейский учит его «специальному полицейскому танцу для развития мозга», объясняя это тем, что «необычные движения и произнесение трудных звукосочетаний способствуют образованию новых нейронных связей», что способствует развитию «мыслительных способностей» и «гибкости ума» [1].

В данной ситуации также продолжается работа с восприятием: организуя нечто наподобие тренинга, Первый полицейский «разогревает» застоявшийся ум Человека из Подольска, формируя «новые нейронные связи». Встречая отказ, неприятие со стороны героя, он задействует техники и методики, расширяющие возможности человека на физиологическом уровне. И если Человек из Мытищ оказывается для него, с его же слов, «узником совести», то Человек из Подольска, скорее, «узником ментальным». Однако и подобные практики, даже при условии беспрекословного выполнения требований, не меняют образ мысли героя: вопрос о том, каким образом персонаж ездит на работу, встречается непониманием («Ну вот что ты сейчас спросил? Что значит «в каком смысле»? Я задал однозначный вопрос: как ты едешь на работу. Зачем ты спрашиваешь, в каком смысле? Что ты хочешь от меня услышать в ответ? В философском смысле? Психологическом? Биологическом? Просто: расскажи, как ты едешь на работу. На автобусе, на электричке, на чем еще?» [1]). Ставя целью развитие гибкости, мобильности мышления Человека из Подольска, Первый полицейский последовательно сталкивается с неприятием, причём сомнению, вследствие неоднозначности предыдущих вопросов и сопровождающих их действий, подвергается даже обыденное, бытовое, однозначное.

Работа с ментальным уровнем жизни героя постепенно переводится в иную плоскость: оценочность, представленная ранее характеристикой эмоциональной составляющей, связанной с восприятием персонажем его жизни — работы, образования и проч., отныне касается восприятия им пространства — города, мест, где они когда-либо бывал, маршрута, по которому он добирался до работы и т. д. Причём в центре внимания полицейских оказывается всегда деталь: «Какой прекрасный город Подольск! Даже троллейбусы есть!» [1]. Именно внимание к деталям (или его отсутствие) становится отныне причиной и задержания в целом, и столкновения персонажей в процессе диалога в частности: «Сейчас они тебя укатают по полной. Самое интересное начинается. Держись, придурок», — характеризует ситуацию Человек из Мытищ [1].

Детализация пространства, в качестве принципа заявленная в самом начале пьесы в рамках характеристики действующих лиц, оказывается точкой отсчёта, от которой должна выстраиваться жизнь человека: восприятие должно определяться вниманием к частному, жизнью моментом, поиском прекрасного в малом, незначительном. «Полиция нравов» в пьесе превращается в «полицию ценности и смысла». Позиция Человека из Подольска (ценностная составляющая, образ и способ жизни и мысли) не устраивает полицейских; используя разные приёмы воздействия, они стараются научить его другому взгляду на жизнь и себя.

Однако вербализуется, обрамляется в словесную форму это также не сразу. Обыденное, бытовое не принимается органами право(нраво?)порядка («Господин полицейский... старший лейтенант... Чего вы от меня хотите? Я не знаю, что я вижу... — Как ты не знаешь, что ты видишь?! Ты вообще нормальный?! Вышел из квартиры. Какой этаж?» [1]). Следуя таким приёмам, как подмена понятий и смещение на уровне реальное/нереальное, персонажи постепенно, шаг за шагом, уверяют Человека из Подольска в собственной ненормальности. Выражая «во всём своём облике» лишь «ужас и судорожное старание», Человек из Подольска приходит сначала к полному безразличию («...я не обращаю внимания. Мне всё равно...» [1]). Подобная реакция, а также выражаемые вслед за нею безразличие и безынициативность героя непременно порицаются полицейскими, причём дружелюбие и участие, желание открыть глаза на окружающий мир сменяются обидой и разочарованием: «Ну как же ничего?! Не может такого быть! Кругом столько интересного! ... А дома все разве серые? Они же разные! Вы не присматривались разве никогда?» — «Это ты, Коля, серый. Серый и одинаковый» [1].

На смену безразличию Человека из Подольска постепенно приходит заинтересованность — во-первых, спровоцированная ситуацией задержания в целом, а во-вторых, вызванная первичным указанием на цель и принципы работы действующих лиц: частотность и концентрация вопросов, всё ещё алогичных с точки зрения Человека из Подольска, провоцирует новый всплеск эмоций с его стороны, ведущий за собой ряд вопросов относительно реальности происходящего и правомерности действий правоохранительных органов. Подтверждённые самими полицейскими и характеристикой, данной Человеком из Мытищ («Чувак, это реально полиция. Я тоже сначала думал, что я в дурдоме, но это полиция. В этом весь ужас. Ничего, привыкнешь» [1]), сведения ложатся в основу реплики, касающейся причины и основания задержания: «Ну вот же, паспорт же мой есть! Что тут выяснять?! — Понимаешь, Коля... Личность человека, даже такого недалекого, как ты, бесконечно шире его паспорта. Мы должны понять, кого мы задержали, чем он живет, чем дышит! Заглянуть в тайные уголки души! Все особенности личности выяснить, а не только ФИО и место прописки» [1]. Алогичное с точки зрения обывателя, дознание в пространстве данного участка представляет собой идентификацию личности с точки зрения не права, но идентичности человека. Проводя впоследствии аналогию между Человеком из Подольска и собой, Женщина-полицейский как бы иллюстрирует необходимый человеку, правильный с точки зрения целостной, полной смысла жизни уровень восприятия действительности. Именно неординарность восприятия Женщиной-полицейским окружающего мира вкупе с диссонансом, вызванным несоответствием между эмоциональной характеристикой героини и её деятельностью, становится первым шагом к «пробуждению» героя: глядя на неё «с выражением

одновременно непонимающим и очень заинтересованным», он соглашается и с важностью в своей жизни обозначенных ею категорий. Ещё больший диссонанс возникает, когда Человек из Подольска узнает, что полицейские слышаны о направлении в музыку, которую он играет («ну, в общем... нойз, индастриал»), даже более того — были на концерте одной из групп («Вы знаете Einsturzende Neubauten?!» [1]). Проникаясь к ним доверием, Человек из Подольска уже не выражает подозрительности или скептицизма: на Женщину-полицейского он «смотрит крайне заинтересованным взглядом» [1], тот же интерес сопровождает сцену, в которой Первый полицейский узнаёт отсылку названия группы «Liquid Mother» («жидкая мать») к В. Сорокину.

Доверительность, практически интимность речи распространяется на следующие темы, затрагиваемые в процессе «идентификации личности» персонажа. Закончив обсуждение сферы интересов героя, полицейские погружаются в сферу отношений, выводя на поверхность наиболее тонкие и болезненные моменты, связанные с разводом с женой и началом новых отношений. Отныне ситуация допроса становится похожей на сеанс терапии, при котором Человек из Подольска, отвечая на предельно жёсткие вопросы полицейских, погружается в глубины своей души, подспудно обозначая психотравмы, нанесённые в процессе тех или иных жизненных событий.

Эмоциональная характеристика, тон героев оказываются основой для перехода к темам, казавшимся ранее незначительными или абсурдными: «За что же Вы не любите Подольск?» [1]. Текст, основанный на проблеме восприятия и оценки, возвращается к тому, что внешне, формально, значительно ближе герою — к среде и ситуации. Именно с повторным обращением к пространству города мы понимаем, что именно ценностная составляющая, процесс восприятия Человеком из Подольска родного города оказывается отправной точкой в формировании его ценностного идеала. А суть деятельности работников полиции, как не без иронии выясняется позднее, направлена именно на формирование подобных ценностей: «Понимаешь, Коля. Нас еще в училище, помню, учили, что одна из важнейших функций полиции (тогда мы еще милицией назывались) — это воспитательная работа с населением. Ну вот, мы с тобой проводим воспитательную работу. Это наш долг перед обществом, наша служба» [1].

Так буквализация и овеществление задач, поставленных обществом перед полицией, парадоксально приводит к ситуации абсурда и последующего сдвига, в котором и предполагается остранение героя от своей жизни и самого себя с последующим обретением нового зрения. Образ города, его восприятие начинает определяться множеством компонентов, это пространство наполняющих: работой, отношениями, формами движений и передвижений и т. д. Сопоставляя Подольск и Амстердам, Женщина-полицейский находит множество оснований для сравнения и уподобления, пытаясь показать герою, как и за что он может любить родной город; говоря о девушке, с которой он находится в отношениях, она пытается найти индивидуальные черты, отличающие её от остальных, те, за которые герой мог бы полюбить её; оценивая его жизнь в принципе, приходит к закономерному выводу: проблемы героя в откровенном неприятии жизни, в узости кругозора, безынициативности и безразличии.

Абсурд, являвшийся до этого категорией социальной, характеризующей в частности произвол власти, с момента проникновения в сферу души героя отражает уже его существование — бессцельность и лишённость смысла. В протоколе, выданном Человеку из Подольска, значится: «Живет

как автомат... не любит, презирает свой город и его жителей... изо дня в день бессознательно совершает одни и те же действия... не осознает себя... не видит вокруг себя ничего красивого и интересного... не воспринимает протекающую вокруг Реальность... не уважает Реальность... Живет бессмысленной, полуживотной жизнью. Господи... Что же это такое...» [1]. Общая проблематика пьесы постепенно перетекает в сферу экзистенциального порядка, где в центре внимания оказывается жизнь героя — так же лишённая смысла, как и всё то, что наполняло пространство участка. Смена точки зрения как основной приём, используемый полицейскими в начале пьесы для расширения угла зрения Человека из Подольска, становится основным приёмом для восприятия ситуации в целом — как героем, так и читателем.

Но, безусловно, остается и вопрос о принудительности обучения, о конвенциональности истины, коль скоро она исходит из уст полицейских — и здесь снова неслучаен такой выбор персонажей. Ни герой, ни читатель не готов до конца довериться ситуации, пока чувствует давление и отсутствие выбора. Все это еще более усложняет пьесу и ее бесконечные трансформации.

Основные элементы, на которые теперь обращает внимание текст, категориально близки антидраме — в центре теперь существование человека, поданное через характерные аспекты: бессмысленность, цикличность, антикоммуникативность, совмещение/наложение комического и трагического контекстов, выводимых из ситуации. Однако насыщение текста социальным элементом, ориентированным на современную автору действительность, а также добавление к экзистенциальной проблематике аксиологического элемента, постановка в качестве проблемы идентификации и самоидентификации личности позволяют говорить о пьесе, в которой абсурдистский компонент является, с одной стороны, приёмом, выводящим на поверхность проблемные точки текста, а с другой — категорией, пронизывающей все сферы жизни человека и часто становящейся основой его существования.

Именно через абсурд, его овеществление, проживание и одновременно трансформирование, переворачивание и симуляцию логичного формируется пространство, в котором всё становится относительным: пространство, логичное и понятное для одних, для других оказывается аморальным, ненормальным, невозможным к пониманию и принятию. Абсурд как совокупность приёмов, используемых автором, позволяет продемонстрировать относительность оценок, даваемых действующими лицами. Апеллирующие к субъекту и его способу восприятия, к его системе ценностей, способам и манере его поведения, они утверждают правомерность и закономерность возникновения и существования абсолютно разных точек зрения на процессы, происходящие вокруг. Абсурд в жизни, жизнь в мире, полном абсурда, утверждается как нормальная: человек приспосабливается к нему, оказывается способным считывать его и затем работать с ним.

Субъект в пьесе — одновременно и автор, и персонаж, и читатель — воспринимает абсурд как материал жизни, как потенциальное искусство: абстрагируясь, он воспринимает абсурд как сложноорганизованную систему, где ему известна лишь часть составляющих её компонентов. Погружаясь в неё, он оказывается способным видеть как себя в абсурде, так и абсурд в себе, а значит, принимает относительность мира.

Список литературы

1. Данилов Д. Человек из Подольска. URL: <http://ddanilov.ru/wp-content/uploads/Дмитрий-Данилов-Человек-из-Подольска.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).
2. Кислова Л. С., Драчева С. О. Аксиологический эксперимент в русской «Новой драме» рубежа XX-XXI веков // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Вып. 23, № 1.2. С. 72—76.
3. Курреева И. В. Ценностная доминанта категории насилия в новейшей русской драматургии // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 4. С. 195—202.
4. Меркушов С. Ф. Репрезентация абсурда в русской литературе конца XX — начала XXI в.: дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2020. URL: https://dissertations.tversu.ru/system/dissertations/theses/000/000/255/original/докторская_меркушов1.pdf?1608984780 (дата обращения: 10.09.2021).
5. Черняк М. А. Новая драма для тинейджеров: к вопросу о типологических чертах современной драматургии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Вып. 42, № 7. С. 87—94.

УДК 811.161.1'374.3

ББК 81.411.2-42

DOI: 10.46726/H.2021.3.4

*А. А. Богданова, Е. Н. Золина, А. А. Хуснутдинов***О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «КОРЕННОЙ СЕЛЬСКИЙ ЖИТЕЛЬ» В ПРИМЕНЕНИИ К АВТОРСКОМУ СЛОВАРЮ (на основе материалов словаря «Фразеологический лексикон коренного сельского жителя Ивановской области»)**

Понятие «коренной сельский житель» используется обычно в диалектологии и диалектной лексикографии, которые ориентированы на описание особенностей территориальных диалектов. В рамках диалектной лексикографии и с такими же целями описывается также речь отдельных носителей говора. В последние годы значительно расширился круг лиц, язык которых становится объектом лексикографического описания в рамках особого направления в словарном деле — авторской лексикографии. В число таких личностей вовлекаются и обычные «рядовые» носители языка, в том числе и сельские жители. В статье предлагается уточнить содержание понятия «коренной сельский житель» применительно к словарям диалектным и словарям авторским, посвященным описанию языка конкретной личности. Указывается на существенное отличие назначения и целевых установок данных типов словарей, что влияет на выбор информантов, определение объекта описания и способы лексикографической разработки языкового материала. На основе опыта, накопленного в процессе работы над составлением словаря идиом коренного сельского жителя Ивановской области, показывается, какие свойства информанта оказываются существенными для характеристики особенностей его речи и лексикографического описания его фразеологического лексикона.

Ключевые слова: русский язык, фразеология, фразеологический лексикон, диалектная лексикография, авторская лексикография, языковая личность.